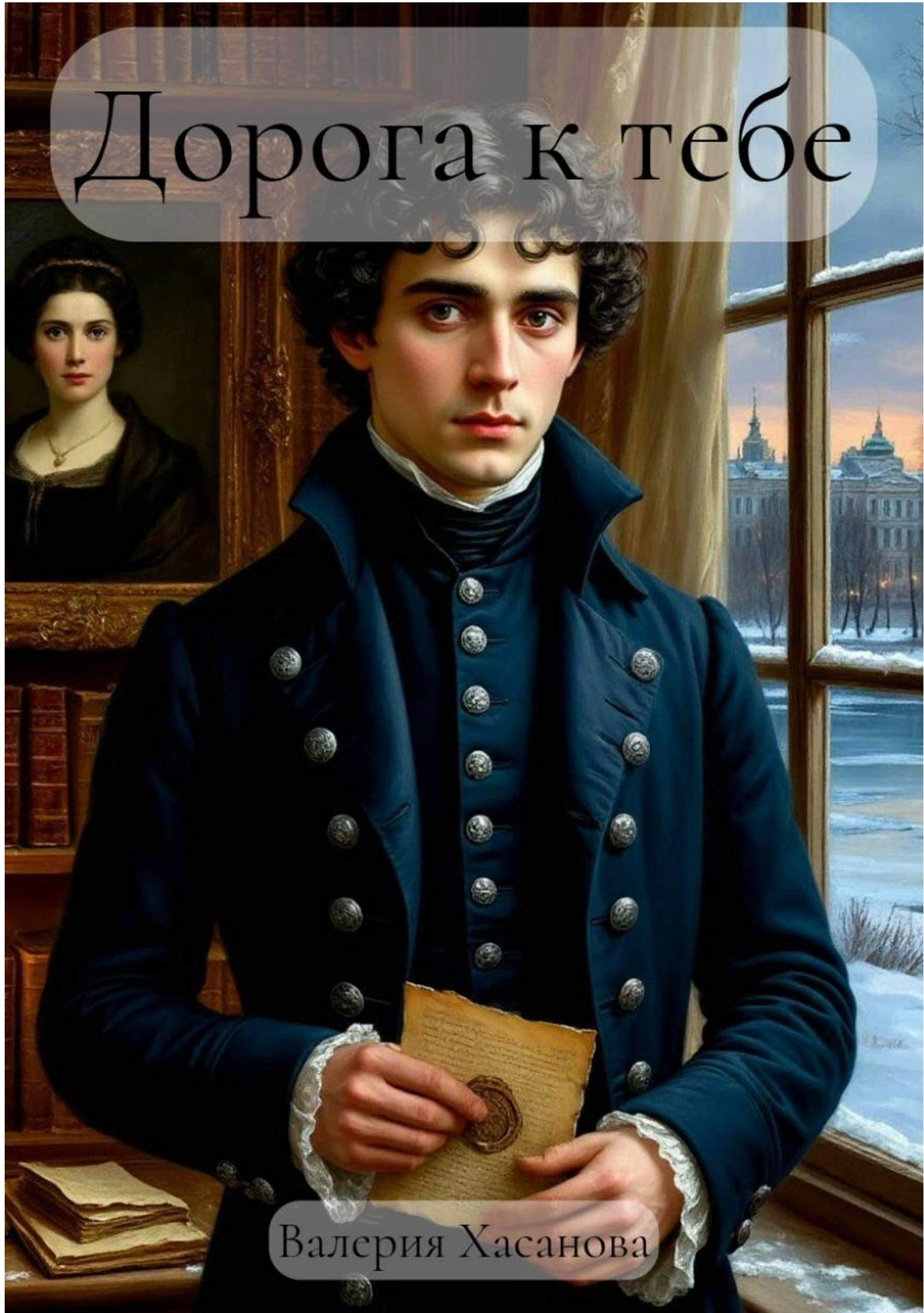

Дорога к тебе

Валерия Хасанова

Валерия Хасанова

Дорога к тебе

«Автор»

2026

Хасанова В. А.

Дорога к тебе / В. А. Хасанова — «Автор», 2026

Она ждала его у окна. Он обещал вернуться. Но не каждый возвращается домой таким, каким ушёл. Петербург, 1844 год. Князь Андрей Вишневский — поэт, живущий сердцем. Графиня Анна Шереметева — художница, задыхающаяся в клетке отцовской воли. Их встреча была случайной. Их любовь — неизбежной. Свет диктует свои законы. Отец Анны против. Враги Андрея плетут интриги. Судьба готовит им испытания, о которых они не догадываются. И когда кажется, что счастье уже близко, всё рушится. Что, если цена любви окажется выше, чем они готовы заплатить? Что, если человек, который вернулся, уже не тот, кого ждали? И что делать, когда весь мир против тебя, а единственный, кто верит, — это она? «Дорога к тебе» — история о вере, когда вокруг тьма. О том, что настоящая любовь не боится никаких дорог. И о том, что она лечит всё. Даже когда кажется, что это невозможно.

© Хасанова В. А., 2026

© Автор, 2026

Валерия Хасанова

Дорога к тебе

«Дорога к тебе»

Роман

«Если я умру, я умру с твоим именем на губах. Если я вернусь — я вернусь только к тебе. Ибо нет на свете дороги важнее, чем дорога к тебе».

Глава первая. Утренний свет

Сентябрь 1844 года выдался в Петербурге на редкость сырым и хмурым. Нева тяжело катила свои свинцовые воды, ветер с залива гнал по набережным низкие облака, и город казался огромной серой гравюрой, где лишь изредка вспыхивали золотые купола соборов да яркие мундиры прохожих. В доме на Английской набережной, где окна выходили прямо на реку, жизнь только начинала пробуждаться, но для князя Андрея Вишневого этот день уже был безнадежно испорчен.

Он стоял у высокого окна в своей библиотеке, нервно теребя уголок плотного конверта. Бумага была дорогой, с гербом, письмо пришло с вечерней почтой накануне, и в каждой его строчке сквозила та ледяная благосклонность, которая была хуже любого открытого упрека. Князь Николай Петрович Вишневский, отец Андрея, человек старой екатерининской закалки, служивший при двух императорах, не терпел возражений. Его воля была законом, и этот закон должен был исполняться беспрекословно.

«Порадуй меня, Андрей, — писал отец твердым, уверенным почерком. — Хватит тебе жить мечтами и рифмами. Жизнь — это имение, долги и прочный брак. Княжна Щербатова будет в городе к началу сезона. Подумай об этом серьезно, или я подумаю о твоём содержании. Тысяча рублей в месяц — сумма нешуточная, и я волен распоряжаться ею по своему усмотрению. Остепенись, мой мальчик. Тебе двадцать пять, пора стать мужчиной, а не вечным студентом, пропадающим в библиотеках и антикварных лавках».

Андрей сжал письмо в кулак, смял его и, раздраженный, швырнул в камин. Бумага вспыхнула, и на мгновение он почувствовал себя свободным, но ощущение тут же угасло, сменившись горечью. Ему, выпускнику университета, человеку, цитирующему Гёте наизусть и разбирающемуся в древних фолиантах лучше любого антиквара, предлагали торговать собой, как мешком муки. Княжна Щербатова! Он даже не знал, как она выглядит. Но отцу было всё равно. Ему нужны были связи, наследники, порядок в родовом имении, которое Андрей, по его мнению, пускал на ветер.

— О чем вы грезите, князь? — раздался скрипучий голос за спиной.

Андрей обернулся. В дверях стоял его камердинер, старый Ефим, морщинистый и сутулый, но с неизменной искоркой понимания в глазах. Ефим служил у Вишневских тридцать лет, помнил Андрея еще мальчишкой и его покойную матушку, любившую стихи и цветы. Именно поэтому он всегда был на стороне молодого князя, хотя виду не подавал.

— О том, Ефимушка, что старые дубы не понимают, как растут молодые побеги, — усмехнулся Андрей, поправляя безупречно повязанный галстук. — Батюшка решил меня женить. На княжне Щербатовой.

Ефим покачал головой, и в его глазах мелькнула тревога.

— Слышал-с. Девушка из хорошей семьи, приданое богатое. Но позвольте сказать, ваше сиятельство, я бы на вашем месте не торопился. Душа — она не приданое.

Андрей благодарно улыбнулся. Ефим был единственным, кто понимал его, не осуждал за увлечение поэзией и древними рукописями, за те часы, которые он проводил в уединении.

— Верно говоришь. Готовь экипаж. Поеду в Академию Художеств. Там сегодня выставка. Хочу увидеть нечто прекрасное, чтобы смыть с души эту пошлость.

— Слушаю-с, — Ефим поклонился и вышел, но у дверей остановился. — Ваше сиятельство, вы бы хоть завтракали.

— Потом, Ефим.

Андрей подошёл к высокому трюмо в золоченой раме. Высокий, стройный, с темными, чуть выющимися волосами, которые он носил длиннее, чем было принято, с тонким, аристократическим лицом и пронизательными серыми глазами. Он был красив той особенной мужской красотой, в которой чувствовались порода, ум и какая-то неуловимая щемящая тоска. Андрей знал, что нравится женщинам, но в последнее время женское общество тяготило его. Слишком много пустоты, слишком много света, слишком много фальши.

Он надел сюртук темно-синего сукна, который сидел на нем безупречно, взял трость с набалдашником из слоновой кости и вышел из кабинета. На лестнице его уже ждал Ефим с шляпой и перчатками.

— Экипаж подан, ваше сиятельство.

Андрей кивнул, на ходу надевая перчатки. Выходя из дома, он оглянулся на фасад с колоннами, напоминающий ему о родовой гордости, и почувствовал, как тиски отцовской воли сжимаются вокруг шеи. Он отогнал это чувство, вдохнул сырой воздух с запахом Невы и решил, что этот день принадлежит только ему.

Дорога до Академии Художеств была привычной, но в этот раз она казалась бесконечной. Андрей смотрел в окно кареты на проплывающие мимо особняки, на извозчиков, на чиновников, спешащих на службу, на барышень в модных шляпках и чувствовал себя чужим в этом мире, где всё было подчинено правилам, чинам и деньгам. Ему хотелось чего-то настоящего, того, что заставило бы биться чаще. Он не знал, что через час судьба подарит ему это.

Академия Художеств гудела многоголосьем. Высокие колонны, мраморные полы, лепнина на потолках внушали благоговение. Публика собралась самая разная: от чопорных вельмож в расшитых мундирах до бедных студентов в потертых сюртуках, жадно ловивших каждое слово именитых критиков. Здесь царил дух искусства, но дух этот был чиновным, академическим, лишенным той живой искры, которую так ценил Андрей.

Он рассеянно скользил взглядом по полотнам: библейские сцены с идеально выписанными мускулами, парадные портреты вельмож с орденами, идеализированные пейзажи Италии. Всё это было мастеровито, но мертво. Ему хотелось воздуха, чувства, той искренней боли или радости, что заставляет душу трепетать. Искусство, считал он, не может быть только ремеслом. Оно должно быть исповедью. Но здесь не было ничего подобного.

Андрей медленно обходил залы, изредка останавливаясь, но ни одна картина не задерживала его взгляда надолго. Он уже хотел уйти, разочарованный, как вдруг внимание привлекла небольшая толпа у дальней стены, у окна, выходившего в сад. Там слышались возгласы восхищения и тихие, почтительные перешептывания.

Протиснувшись ближе, Андрей замер.

Это был портрет. Небольшой, не формата парадной картины, а скорее этюд — среднего размера, в простой деревянной раме, без позолоты. На полотне была изображена девушка в простом синем платье с белым кружевным воротничком, сидящая у открытого окна. За окном угадывался летний сад, залитый солнцем, на подоконнике стоял глиняный кувшин с полевыми васильками. Девушка держала в руке одну такую веточку, но смотрела не на неё, а куда-то вдаль, за пределы холста.

Взгляд её был удивительным. В нем чувствовались глубина, целомудренная печаль и тайна. Свет падал на лицо так, что золотил русые волосы, делая их похожими на расплавленный мед, а на коже играли мягкие, теплые тени. Она не улыбалась, но в изгибе губ угадывалась добрая, тихая улыбка, предназначенная не зрителю, а солнечному лучу на подоконнике.

И тут Андрей заметил нечто, отчего дыхание перехватило уже по-настоящему. В правом нижнем углу картины, почти сливаясь с тенью драпировки, стояла крошечная, но отчетливая подпись: «А. Шереметева. 1844».

Это был автопортрет.

Мысль эта пронзила его, словно молния. Она писала себя саму. Не для того, чтобы выставить напоказ красоту, не чтобы угодить мужскому вкусу или поразить публику мастерством. Она писала себя, чтобы запечатлеть мгновение внутренней жизни — тот тихий час, когда душа остается наедине с собой. Она смотрела в зеркало и видела не черты лица, а ту светлую грусть, что сейчас так потрясла Андрея.

Он стоял как вкопанный, не в силах отвести глаз. Ему казалось, что он невольно подглядел за её молитвой, за самым сокровенным разговором с самой собой, и теперь обязан хранить эту тайну.

— Потрясающе, не правда ли? — раздался рядом чей-то голос.

Андрей вздрогнул. Рядом с ним стоял пожилой господин в очках, с седыми бакенбардами — судя по виду, критик.

— Это нечто необыкновенное, — с трудом выговорил Андрей, чувствуя, как пересохло в горле. — Я никогда не видел ничего подобного. Эта искренность, эта прозрачность души...

— О да! — с воодушевлением подхватил критик. — Графиня Анна Шереметева. Дочь князя Шереметева, из той ветви, что живет на Мойке. Молодая, талантливая, но пишет исключительно для себя, для узкого круга. Отец был против, считал это недостойным аристократки, но брат, граф Дмитрий Шереметев, всегда её поддерживает. Именно он уговорил её выставить хотя бы одну работу на этой выставке. И, как видите, не прогадал.

— Где она сейчас? — спросил Андрей, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно.

Критик усмехнулся с понимающей хитринкой:

— Половина молодёжи здесь только ради этого. Вон она, у окна, со своим братом. Видите, светло-зелёное платье?

Андрей резко обернулся и увидел её.

Она стояла в тени колонны, у высокого стрельчатого окна, которое заливало её мягким, рассеянным светом. Она была одета в простое, но изящное платье светло-зеленого муара, подчеркивавшее стройную фигуру. В руках она держала веер, но не раскрывала его, а машинально перебирала пальцами кружево.

Она была живым воплощением портрета — те же русые волосы, уложенные в гладкую причёску с локонами у висков, та же благородная, чуть задумчивая осанка. Но вживую она казалась даже лучше. В глазах сверкали живые искорки, на губах играла застенчивая улыбка. Она слушала брата — молодого бледного человека в щегольском сюртуке, с живыми, умными глазами, — но чувствовалось, что она смущена всеобщим вниманием. То и дело она поправляла кружевной воротничок, украдкой поглядывая на зрителей.

И в этот миг она подняла глаза.

Она смотрела на толпу рассеянно, не останавливаясь ни на ком, и вдруг её взгляд натолкнулся на взгляд Андрея.

Это длилось лишь секунду — один короткий, мгновенный миг. Но за эту секунду Андрей успел увидеть в её глазах удивление, интерес и узнавание. Она смотрела на него так, будто видела раньше, будто он уже был частью её мира. Её зрачки чуть расширились, веер в руке замер, а на щеках вспыхнул легкий румянец.

Затем она смутилась. Опустила ресницы, отвернулась к брату и что-то тихо сказала ему, касаясь его рукава. Граф Шереметев обернулся, бросил быстрый, оценивающий взгляд на Андрея, но ничего не сказал, лишь слегка нахмурился и вновь повернулся к сестре.

Андрей стоял, не дыша. Грудь его вздымалась от бешеного стука, который, казалось, был слышен всему залу. Голова шла кругом. В ушах шумело. Ему чудилось, что весь мир

растворился — не стало Академии, толпы, картин. Осталась только она, только этот взгляд, пронзивший его насквозь и оставивший в душе глубокую, сладкую рану.

Он хотел подойти к ней. Хотел поклониться и сказать что-то, но язык не слушался, ноги приросли к полу. Что он скажет? Кто он такой, чтобы врываться в её мир? Он — всего лишь разорившийся князь, мечтатель. Она — графиня, талантливая художница. Что между ними может быть общего?

Страх сковал его. Это был не страх перед людьми, не светская робость, а страх перед самим собой. Перед той силой, которая вдруг поднялась в груди и грозила смести все барьеры. Он боялся, что если подойдёт, то скажет глупость, разрушит это хрупкое очарование, родившееся между ними в ту секунду. Он боялся, что голос её окажется резким, что она засмеется над ним.

Время шло. Андрей стоял в оцепенении, глядя, как она разговаривает с братом, как улыбается проходящему профессору, как поправляет выбившийся локон. Он чувствовал себя мальчишкой, впервые влюбленным, растерянным и неуклюжим. Он ненавидел себя за эту слабость, но подойти не мог.

— Ну что, батенька, так и будете стоять столбом? — раздался голос критика. — Идите, представьтесь. Граф Шереметев человек любезный.

— Нет, — выдохнул Андрей с такой мукой, что критик удивлённо поднял брови. — Я не могу.

Он повернулся и быстро пошел к выходу, лавируя между зрителями. Он не обернулся. Он не мог обернуться, потому что знал: если увидит её ещё раз, то пропадёт окончательно.

Только на улице, на пронизывающем ветру с Невы, он выдохнул с облегчением и ужасом одновременно. Он вскочил в экипаж, крикнул кучеру: «Домой!», и откинулся на сиденье, закрыв глаза. Перед ним всё ещё стоял её взгляд — тот самый, секундный, но такой пронзительный.

«Что это было?» — спрашивал он себя, чувствуя, как дрожат руки.

Он не знал, каков её характер, как звучит её голос. Он знал только её взгляд, который сказал ему больше, чем часы разговоров. И этот взгляд изменил всё.

Всю дорогу до дома Андрей молчал, глядя в окно на проплывающие дома, но ничего не видел. Он видел только её — у окна, с веером, с тем удивительным выражением глаз.

Дома он взбежал по лестнице, не снимая сюртука, и заперся в библиотеке. Ефим, вышедший ему навстречу, был встречен коротким взмахом руки:

— Не беспокоить. Я не выйду до вечера.

Андрей бросил шляпу и трость на кресло, подошел к письменному столу и долго стоял, глядя на чистый лист. Мысли путались. Он должен был что-то сделать. Она не должна была остаться просто мимолетным видением.

Он начал ходить по комнате из угла в угол. Он не знал её адреса. Светские правила строго запрещали незнакомому мужчине даже приближаться к ней. Отец, если бы узнал, пришёл бы в ярость. Княжна Щербатова была бы оскорблена.

Но разве можно управлять сердцем?

Он остановился у окна, глядя на серое петербургское небо. Где-то там, в одном из этих домов, живет она. Дышит. Думает. Может быть, сейчас она тоже стоит у окна и вспоминает того странного молодого человека, который так пристально смотрел на её портрет, а потом исчез.

«Она не знает моего имени, — подумал Андрей с горечью. — Для неё я — ничто».

Но в этой мысли была и свобода. Если он для неё ничто, он может стать кем угодно. Он может стать её тайным голосом, который доносится из темноты.

Он резко повернулся к столу, сел и взял перо. Руки дрожали, но теперь — не от страха, а от решимости. Он должен был написать ей стихи. Чистые, звонкие, как хрусталь, такие же светлые, как солнечный луч на её автопортрете.

Он обмакнул перо в чернила и замер на мгновение. Как передать то, что он чувствовал? Но слова пришли сами собой. Он начал писать быстро, почти не оглядываясь на нелепые пятна чернил, портившие дорогую бумагу:

«В очах твоих — застывшая печаль,

Волшебный свет далекой, чистой грезы,

И в них я вижу звездную вуаль,

И шепот лип, и запах летней розы...

Ты на холсте себя запечатлела,

Как отражение собственной души,

И я, узрев, что сердце онемело,

Застыл в немой, трепещущей тиши...»

Он писал о летнем дожде, о весеннем ветре, но главное — о её образе, поселившемся в его душе. Он писал, что увидел её такой, какой она видит себя сама. Стихи были полны восхищения, но в них не было пошлости, только благоговение, трепет и чистая, почти молитвенная любовь.

Закончив, он перечитал написанное. Стихотворение получилось длинным, в несколько строф. Он чувствовал, что в этих строках есть правда, есть та самая искра, которую он так долго искал. Это была его исповедь.

Теперь стихи нужно было отправить. Но как?

Он не мог послать письмо прямо в дом Шереметевых — это был бы скандал. Не мог воспользоваться городской почтой — частные письма легко могли попасть не в те руки. Нужно было найти кого-то, кто мог бы передать конверт лично графине или её горничной.

Андрей вспомнил старого слугу в Академии, который помогал развешивать картины. Тот человек выглядел добродушным и, кажется, хорошо знал семью Шереметевых.

Он осторожно вложил исписанный листок в плотный конверт, запечатал его сургучом с фамильным гербом Вишневских — два скрещённых меча и корона. Он не стал подписываться. Пусть она гадает, кто этот таинственный незнакомец. Если она сердито отбросит письмо, у неё не будет возможности найти его.

«Сначала стихи, — решил он. — А потом, если судьба будет благосклонна, я покажусь ей сам. Но не раньше, чем она захочет этого».

Он положил конверт в ящик стола и запер его на ключ. Оставалось самое трудное — дожждаться утра.

Ночь тянулась бесконечно долго. Андрей не сомкнул глаз, ворочаясь в постели, прокручивая в голове разные варианты. Что если слуга откажется? Что если письмо попадет к её отцу? Что если она засмеется над ним и разорвет бумагу?

Мысли были мучительными, но в глубине души он знал одно: он не мог молчать. Он должен был бросить вызов судьбе. И пусть отец мечтает о княжне Щербатовой, а свет требует от него благоразумия — он, Андрей Вишневский, решил любить. И первой жертвой этой любви стал запечатанный конверт, лежащий в ящике письменного стола.

Под утро, когда за окнами начало светать, Андрей провалился в тревожный, беспокойный сон. Ему снилась она — сидящая у того самого окна с васильками. Но теперь васильки были в его руках, и она улыбалась ему той улыбкой, которую он видел только в своем воображении.

А когда он проснулся, первая мысль была о ней. И о том, что сегодня он сделает шаг, который изменит всё. Шаг, за который ему, возможно, придется заплатить слишком дорогую цену. Но он был готов платить.

Глава вторая. Первая встреча

Октябрь 1844 года выдался в Петербурге на удивление ясным и сухим. Бабье лето задержалось дольше обычного, и город, уставший от сентябрьской сырости, словно воспрянул духом. Золотые листья кружились над Невой, солнце щедро заливало набережные, а в воздухе стоял тот прозрачный, хрустальный холодок, который бывает только в преддверии первых заморозков. В такое время казалось, что даже самые заурядные события приобретают особый, почти праздничный смысл.

Андрей Вишневский стоял у окна своей библиотеки и смотрел на сверкающую гладь реки. Прошло три недели с того памятного дня в Академии Художеств, и за это время он превратился в тень самого себя. Почти не выходил из дома, отказывался от приглашений, ссылаясь на нездоровье, и проводил часы в мучительном ожидании. Ефим, верный Ефим, молча ставил на стол остывающий чай и только вздыхал, понимая, что барин болен не телом, а душой.

Утром четырнадцатого октября случилось то, чего Андрей ждал и боялся одновременно.

Он сидел за письменным столом, безуспешно пытаясь читать очередной том Шиллера, когда раздался робкий стук в дверь. На пороге стоял Ефим, и в руках его был небольшой, изящный конверт из плотной бумаги кремового оттенка. На конверте не было адреса, только вензель в виде изящно переплетённых букв «А.Ш.» и тонкий, едва уловимый аромат лаванды.

Андрей вскочил так резко, что опрокинул чернильницу. Чёрные пятна расплзлись по дорогому сукну скатерти, но он не заметил этого. Он смотрел только на конверт, который Ефим протягивал ему с почтительной осторожностью.

— Это, ваше сиятельство, доставили час назад. Мальчик из Академии, тот самый слугитель, которому вы дали... ну, вы помните. Сказал, что просили передать лично в руки и что ответа не ждут. Но я подумал...

— Дай сюда! — перебил Андрей, выхватывая конверт. Руки его дрожали так, что он боялся разорвать бумагу. — Оставь меня, Ефим. И чтобы никто не входил.

Ефим поклонился и бесшумно вышел, прикрыв за собой дверь.

Андрей остался один. Долго стоял, сжимая конверт, боясь вскрыть его, словно внутри могло быть что-то страшное. Но страх был слабее любопытства. Он сломал сургучную печать — на ней был герб Шереметевых — и извлёк аккуратно сложенный листок. Почерк был изящным, с наклоном, свойственным людям, привыкшим много писать пером. И всё же в нём чувствовалась твёрдость, неожиданная для столь хрупкой на вид особы.

Андрей начал читать:

«Милостивый государь.

Три недели тому назад я получила ваше письмо. Прошу простить мою дерзость, но я не могла ответить сразу. Не потому, что не хотела, а потому, что не знала, как найти слова, достойные того, что вы написали. В моей жизни ещё не было ни одного человека, который сумел бы заглянуть в мою душу так глубоко, не будучи со мной знакомым. Вы увидели на моём автопортрете то, что я стараюсь спрятать даже от самых близких. И вы, не зная моего имени, кроме фамилии, не зная моего голоса и моего характера, написали такие строки, от которых у меня перехватило дыхание.

Я не знаю, кто вы. Вы не подписались, и слугитель, которому вы доверили письмо, сказал мне лишь, что вы «молодой, красивый и с глазами, полными печали». Но я должна признаться: в тот день в Академии, когда я стояла у окна с братом, я видела вас. Вы смотрели на мой портрет так, как на него не смотрел никто. А потом вы смотрели на меня. И я помню ваш взгляд.

Я не знаю, что движет вами. Может быть, простое любопытство или мимолётное увлечение, которое угаснет через неделю. А может быть, что-то большее. Но я не могу оставить ваши стихи без ответа. Я не могу притворяться, что они меня не тронули. Это было бы ложью, а я не умею лгать.

Если вы хотите увидеть меня, я буду в Летнем саду завтра, в три часа пополудни. Я буду гулять вдоль главной аллеи с книгой в руках. Если вы придёте — я пойму, что ваши слова были искренними. Если нет — я пойму, что это было лишь минутное увлечение, и мы никогда не вспомним друг друга.

С уважением и надеждой,

Анна Шереметева»

Андрей перечитал письмо три раза. Потом ещё два. Каждое слово отдавалось в его груди глухим, радостным эхом. Она ответила. Она помнила его. Она ждала. Она призналась, что видела его в Академии, что запомнила его взгляд. Это было невероятно, немыслимо, сказочно.

Он подошёл к камину и остановился, глядя на пляшущие языки пламени. Завтра. Завтра он увидит её. Будет говорить с ней. Слышать её голос. Смотреть в её глаза. Мысль эта одновременно опьяняла и пугала. Что он скажет? Как ему держаться, чтобы не показаться смешным, навязчивым, глупым?

Андрей провёл остаток дня в лихорадочном волнении. Перебирал сюртуки, выбирая лучший — тёмно-синий, тонкого сукна, с серебряными пуговицами. По несколько раз поправлял причёску, что было ему совершенно несвойственно. Перечитывал свои стихи и находил недостатки, которые ещё утром казались совершенством. Мука и радость пополам терзали его, но внутри росло твёрдое чувство: завтрашний день изменит его жизнь.

Ночь прошла в тревожной полудрёме. Едва забрезжил рассвет, Андрей уже стоял у окна, глядя, как солнце поднимается над Невой, окрашивая воду в розово-золотые тона. Ему казалось, что время остановилось, что часовая стрелка застыла на месте и никогда не сдвинется к трём часам.

Он вышел из дома задолго до назначенного срока. Решив не брать экипаж, чтобы успокоить нервы прогулкой, Андрей пошёл пешком по набережной. Октябрьский воздух был свеж и чист, ветер с залива приносил запах соли и прелых листьев. Город жил своей обычной жизнью, но Андрей не замечал ничего вокруг. Он шёл и думал только о ней.

В Летнем саду было безлюдно. Сезон уже закончился, аристократы предпочитали гулять в более модных местах, и только редкие гувернёрки с детьми да старики на скамейках наслаждались последними тёплыми днями. Андрей вошёл через главные ворота со стороны Невы и остановился, оглядывая аллеи. Золотые листья клёнов и лип устилали дорожки, образуя мягкий, шелестящий ковёр. Ветра почти не было, и листва падала медленно, кружась в прозрачном воздухе.

Он прошёл по центральной аллее, потом свернул на боковую. Сердце колотилось всё быстрее. Вдруг она не придёт? Вдруг передумала? Вдруг это была шутка, проверка, способ унизить его?

Он уже начал терять надежду, когда заметил в конце аллеи одинокую женскую фигуру. Она стояла у старого дуба, спиной к нему, и смотрела на пруд. На ней было простое тёмно-зелёное платье, на плечи накинута шаль, в руках — книга. Андрей замер. Это была она.

Он сделал шаг, потом второй. Ноги казались ватными, горло пересохло. Он боялся, что голос его предаст, что он не сможет вымолвить ни слова. Но он шёл, и каждый шаг приближал его к ней.

За несколько шагов до неё он остановился. Она не оборачивалась. Может быть, не слышала его шагов по мягкой листве? Или слышала, но боялась обернуться так же, как он боялся заговорить?

— Графиня? — произнёс Андрей, и голос его прозвучал глухо, почти шёпотом. Она обернулась.

И в этот момент Андрей понял, что портрет, даже самый гениальный, не мог передать всей её красоты. Вживую она была не просто прекрасна — она была живой, настоящей, недосыгаемой и одновременно близкой. Её глаза, тот самый удивительный, глубокий взгляд, который он увидел впервые на картине, теперь смотрели прямо на него. В них не было той застывшей печали, что он запомнил по портрету. В них была тревога, любопытство и надежда.

— Князь Вишневский? — спросила она, и голос её оказался таким, каким он его себе представлял, — тихим, чистым, с едва заметной хрипотцой, которая придавала ему особую трогательность.

— Откуда вы знаете мою фамилию? — удивился Андрей.

Она чуть улыбнулась, и эта улыбка, робкая и застенчивая, осветила всё её лицо.

— Я не могла не узнать. Мой брат, Дмитрий, видел вас на выставке. После того как он заметил, как вы смотрели на меня, он поинтересовался вашей личностью. Оказалось, что многие в Академии вас знают. Вы известный человек, князь. Любитель искусств, меценат... и поэт, как я теперь знаю.

Андрей растерялся. Мысль о том, что её брат интересовался им, одновременно льстила и настораживала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.